

**НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ**

**Алексей
МАКЕЕВ**

**Завещаю
свою смерть**

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *А. Старикова*

В оформлении обложки использован рисунок
Валерия Петелина из серии «Черная кошка»
под одноименным названием

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Завещаю свою смерть / Николай Леонов,
Алексей Макеев. — Москва : Издательство
«Э», 2016. — 320 с. — (МУРу — 90 лет. Луч-
шие романы Н. Леонова).

ISBN 978-5-699-89337-9

Полковники уголовного розыска Гуров и Крячко просты-
ми делами не занимаются. Вот и сейчас начальство подкинуло
им запутанное дело... В мусорном контейнере найдено мер-
твое тело дочери бизнесмена Кабанова Снежаны. Начав рас-
следование, сыскари с удивлением узнают, что это далеко не
первое такое убийство. Не так давно при таких же обстоятель-
ствах были найдены тела еще как минимум пяти девушек. Что
это — совпадение? А может быть, в городе объявился серий-
ный убийца-маньяк? В ходе расследования Гуров и Крячко
выясняют, что все имеющиеся версии отпадают. Тогда сыщи-
ки принимают перебирать уж совсем необычные варианты.
И наконец нащупывают след...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонова О.М., 2016

© Макеев А., 2016

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89337-9

Глава первая

Лев Гуров, старший оперуполномоченный по особо важным делам уголовного розыска, пребывал в расслабленном состоянии. Сегодня он мог себе такое позволить, поскольку был его законный выходной. Удачно сложилось и то, что его жена Мария также была дома. Целый день наедине с любимой красавицей женой — что может быть приятнее? К тому же Гурова грела мысль, что в Главном управлении внутренних дел, где он работал, у него тишь да гладь, практически все старые преступления раскрыты, а новых громких дел пока что на горизонте не наблюдалось. И можно было позабыть о работе хотя бы на эти два дня.

В субботу Гуров позволил себе поспать дольше обычного: он открыл глаза только в половине одиннадцатого, что случалось редко. Мария сладко посапывала, положив красивую голову ему на плечо. Гуров осторожно высвободил руку, подложив вместо нее подушку. Мария слегка улыбнулась, что-то пробормотала сквозь сон и перевернулась на другой бок. Тихонько, чтобы не разбудить ее, Лев поднялся

и прошел на кухню. Там он открыл холодильник, достал колбасу и сыр и нажал кнопку электрического чайника.

За годы — уже довольно давние — холостяцкой жизни он привык справляться со всем сам. Да и вообще всегда был самостоятельным человеком, так что приготовить завтрак без помощи жены не составляло для него труда.

Гуров жалел Марию, которая служила актрисой в театре, и посему ее рабочий день часто был ненормированным и при этом очень насыщенным. Случалось, что Мария возвращалась домой после спектакля далеко за полночь, еле живая от усталости. У нее порой не было сил даже на то, чтобы переодеться в домашнюю одежду. И тогда Гуров, который и сам часто работал сверхурочно, помогал ей снять пальто, подавал пижаму и тапочки, потом заботливо нарезал бутерброды и наливал чай или кофе. Через несколько минут Мария оживала, взгляд ее уже не был таким опустошенным, в нем появлялись искорки, и вскоре она уже радостно что-то говорила мужу, уплетая бутерброды, рассказывала, как прошла репетиция и сам спектакль, сколько было народу и какие планы у главного режиссера театра на следующий сезон...

Гуров делал вид, что слушает очень внимательно, хотя мало разбирался в театральных постановках, даром что его брак с женой-актрисой длился уже несколько лет. Потом они еще пили чай, а после шли в постель, где утом-

ленная Мария засыпала практически мгновенно. Зачастую она проводила в театре и субботы, и воскресенья, и Гуров коротал свои выходные в одиночестве.

Со стороны могло показаться, что такой союз долго не протянет. Некоторые недоброжелатели, в душе завидовавшие Марии и Льву, поговаривали, что муж и жена при таком раскладе неизбежно отдалятся друг от друга и, вполне вероятно, между ними встанет кто-нибудь третий. А то и двое. Но не сбывались пророчества злопыхателей, Гуров с Марией умудрялись сохранять привязанность и интерес друг к другу, основанные на взаимной любви.

«А мы потому и вместе, что не успеваем надоесть друг другу, вот нам и не скучно. А вы пялитесь друг на друга постоянно, глаза уже замылились, вот вам и поговорить не о чем, кроме того, с чем сегодня есть картошку — с мясом или салом», — отшучивался он, если кто-нибудь, не страдающий особым тактом, задавал ему вопрос о его семейной жизни или откровенно намекал на вольготные нравы в актерской среде. Гуров терпеть не мог, когда лезли в его личные дела. Мария, отличавшаяся еще большей едкостью языка, могла ответить и похлеще и просто откровенно послать нахала подальше.

Гуров никогда не позволял себе задаваться вопросом, есть ли у Марии кто-нибудь. Впрочем, он был уверен, что нет. Такие вещи всегда ощущаются, и он, опер-важняк с огромным

стажем, прирожденный сыщик, конечно, ментально почувствовал бы, что жена уже не совсем его... Он знал ее хорошо и знал также, что на пошлый флирт она не пойдет. И еще он был убежден, что, если Мария полюбит другого, он узнает об этом первым. Она сама поставит его в известность.

Иногда он пытался анализировать их отношения, думал, в чем причина столь крепкого союза при довольно большой разнице в возрасте и сильной занятости обоих. И каждый раз приходил к выводу, что дело в том, что их отношения были замешены не столько на эмоциях, сколько на уважении друг к другу.

Когда Гуров и Мария познакомились, оба были уже достаточно взрослыми людьми. Что касается самого Льва, так он вообще мог считаться весьма зрелым человеком. И хотя и влюбился в Марию словно мальчишка, головы не терял. Разумеется, были и чувства, и очень яркие. Но оба вступали в брак, полностью отдавая себе отчет в том, что делают это на всю жизнь. Конечно, жизнь — такая штука, что многие ее события очень сложно предугадать, но Гуров с каждым годом убеждался, что им с Марией был сделан правильный выбор.

...Чайник забулькал, забушевал недовольно, и кнопка отщелкнулась. Полковник усмехнулся своим мыслям. «Наверное, правду говорят, что к старости у людей начинают изменяться жизненные приоритеты и они куда больше, чем в молодости, ценят такие поня-

тия, как дом и семья, больше дорожат ими», — подумал он и тут же вздрогнул. К старости? Он сказал — к старости?!

Лев аж крутанулся на месте. Как он мог так подумать? О какой старости может идти речь, если он, полковник Гуров, выглядит лет на пятнадцать моложе своих паспортных данных? Он по-прежнему подтягивается по тридцать раз и отжимается по сто, зрение его осталось таким же зорким, как в юности, и на зачете по огневой подготовке он подряд делает из пистолета пять точных выстрелов, четыре из которых летят точнехонько в яблочко и лишь одна — и то не всегда — в девятку.

Гуров невольно поднял руки и поиграл бицепсами. Иные молодые позавидуют! Особенно те, что за свои двадцать лет не то что серьезным спортом — обычной гимнастикой не занимались и предпочитали проводить все свободное время за банкой пива или чего покрепче.

Лев мрачно подошел к столу и принялся нарезать хлеб, колбасу и сыр, делая бутерброды на двоих. Он давно боялся признаться себе, что мысль о надвигающейся старости стала для него очень актуальной. Гуров никак не хотел с ней примириться, не хотел сдаваться и отчаянно боролся, ежедневно занимаясь физическими упражнениями, стараясь поддерживать форму и при этом понимая, насколько глупо бороться с природой...

«Боишься, значит, что жена променяет тебя

на кого-нибудь помоложе, а, полковник?» — вкрадчиво прозвучал противный, язвительный внутренний голос, и Гуров брезгливо поморщился. Это были не его слова. Однажды на праздновании дня тогда еще милиции в отделении сильно перебравший лишнего майор Степанов произнес примерно такую фразу. Тогда Гуров сдержался, не стал поддаваться на провокации пьяного дурака, лишь сгреб его за грудки и приподнял над столом, так что Степанов, почувствовав на себе мертвую хватку гуровских ручищ, вытаращил глаза и глупо заморгал ресницами. Гуров чуть подержал его так и молча опустил обратно. Степанов, сразу съезжившись, опустил голову и поковылял прочь, поправляя на ходу сбившийся воротничок. И теперь некстати вспомнившаяся фраза, брошенная уже года два назад, чуть испортила Гурову настроение.

— О-о-о, солнце мое, какой же ты молодец! — Прозвучавший сзади звонкий голос вернул Гурова к действительности. — А я, лентяйка несчастная, все проспала! Я негодная жена, брось меня поскорее!

Гуров обернулся. Мария стояла в дверях, потягиваясь и улыбаясь смущенной улыбкой, в которой сквозила вина. Мрачные мысли ментально улетучились. Гуров подошел к Марии, ласково обнял ее и шутливо произнес:

— Конечно, брошу! И найду себе молоденькую, которая будет вставать на два часа раньше меня и летать по квартире, приводя ее

в порядок, а потом готовить мне обеды из трех как минимум блюд.

— Она у тебя умрет через год, — усмехнувшись, бросила Мария. — Ты ее совсем загоняешь. Ты это умеешь! Привык на своей работе операми командовать, вот и жену строил бы...

— Но ты же не строишься, — заметил Гуров.

— Так я и не молоденькая, — рассмеялась Мария и, погладив Гурова по щеке, пошла в ванную умываться.

Она всегда была умной. Прекрасно зная о том, как муж переживает из-за своего возраста, никогда не позволяла себе намеков на эту тему, наоборот, всегда старалась поддержать и ободрить. И это полковник тоже очень ценил.

«Нет, мне просто сказочно повезло с женой!» — окончательно успокоившись, подумал Гуров и принялся готовить кофе на двоих.

После завтрака они прогулялись по Москве, потом зашли в кафе пообедать, потом вернулись домой и долго лежали в постели... Гуров чувствовал себя абсолютно счастливым. Уже поздно вечером, когда Мария, приняв ванну, сидела на диване с полотенцем на голове и приводила в порядок ногти, он опустился в удобное кресло и включил телевизор. Ни один из многочисленных каналов, предлагавших свои разнообразные программы, так и не смог его заинтересовать, и Лев просто меланхолично щелкал пультом. Мария, искоса поглядывая на него, продолжала свое занятие. Покончив с

ногтями, она сняла полотенце, помотала головой, так что черные волосы разлетелись в стороны, а на Гурова попало несколько капелек воды, и включила фен.

Гуров наконец нашел то, что подсознательно искал. На одном из местных каналов транслировалась сводка криминальных новостей за прошедшую неделю.

...«Крупный пожар охватил ночью подземную парковку в Москве...»

...«Две иномарки столкнулись на полосе движения общественного транспорта...»

...«В центре, в районе Таганки, в мусорном баке обнаружено тело молодой женщины. Тело упаковано в полиэтиленовый пакет синего цвета. Предположительно, девушка скончалась от колото-резаных ранений...»

...«Маршрутка на перекрестке насмерть сбила женщину. Всех свидетелей и очевидцев происшедшего просят позвонить по телефонам...»

...«В Москве задержаны члены преступной группировки по разбою и нападениям на водителей большегрузных фур...»

...«На севере столицы сгорели три маршрутки...»

...«Преступники в форме сотрудников правоохранительных органов похитили крупную партию оргтехники...»

...«Массовая драка на юго-востоке Москвы. Столкнулись две рабочие группы из Узбекистана...»

— Да выключи ты его! — раздраженно произнесла Мария, подходя к мужу.

Она уже высушила волосы, которые теперь пышными волнами падали ей на плечи. Стоя перед Гуровым, свежая, красивая, сексуальная, она вырывала из его рук пульт, тянула за собой... Гуров, со вздохом бросив взгляд на экран, выключил телевизор и направился за женой.

Заснули они только под утро, но обоих это не волновало — впереди было еще целое совместное воскресенье...

* * *

В понедельник Гуров ехал на работу, чувствуя себя бодрым и полным сил. Выходные, проведенные с Марией, явно пошли ему на пользу. Сыщик включил радио и под ненавязчивую ритмичную музыку вел свою машину к Главному управлению внутренних дел.

Пройдя в здание, он остановился у будки дежурного и, тихонько насвистывая, принялся листать сводку происшествий за прошедшую неделю. Ограбления, нападения, аварии, угоны автомобилей. И — убийства, убийства...

«Хорошо еще, что на нашей территории мало, — подумал Гуров. — И в основном сплошная бытовуха».

Впрочем, как всегда. Процент преступлений, совершаемых на бытовой почве, традиционно был самым высоким. Гуров за такие не

брался. Ему, старшему оперу по особо важным делам, поручалось что-нибудь действительно серьезное. Например, убийство известного журналиста или политика. Но журналистов и политиков убивают, к счастью, не каждый день, посему Гурову приходилось заниматься и другими делами, участниками которых не были публичные персоны. Правда, от этого дела не становились менее сложными. Но при этом Лев знал, что ему не доведется расследовать, к примеру, убийство пенсионера дяди Васи, совершенное, по предварительным данным, его внуком-наркоманом с целью завладеть только что полученной пенсией. Или рядовую смерть какой-нибудь обычной женщины. Вот как, например, эту...

Гуров поднес сводку ближе к глазам и вчитался внимательнее. Молодая девушка с черепно-мозговыми травмами обнаружена на рас свете в мусорном контейнере. Поссорилась, скорее всего, с мужем, любовником или сожителем, он по пьяному делу ее по голове и шарахнул, как чаще всего и бывает. А тело — в мусорный контейнер, очень удобно, многие пользуются. Вот совсем недавно Гуров слышал нечто подобное. Но, посмотрев на район, где было найдено тело девушки, и убедившись, что он находится очень далеко от главка, Лев успокоенно вздохнул, вернул сводку дежурному, резво пошел к лестнице и стал подниматься к себе в кабинет, преодолевая сразу по две ступеньки.

Станислав Крячко, его давний друг и коллега, уже был на месте. Он сидел в кабинете в своем кресле, как показалось Льву, с озабоченным видом.

— Чего нос повесил? — весело спросил Гуров, проходя в кабинет и аккуратно вешая в шкаф на плечики свой светлый итальянский плащ.

Крячко лишь покосился на друга и фыркнул.

— Как денди лондонский одет, — пробормотал он.

Гуров чуть нахмурился. Плащ выбирала Мария, а ее вкусу он доверял безоговорочно. Да и сам себе, признаться, нравился в этом одеянии. Оно и впрямь делало его слегка похожим на англичанина, еще больше подчеркивало высокий рост и общую стройность. И подколы Станислава Гуров воспринимал негативно.

Сам Крячко уже который год ходил в неизменной темно-серой куртке, пухлой и раздутой, отчего его и без того широкая фигура казалась просто расплывшейся. Куртка была уже, мягко говоря, старовата, но Станислав принципиально не менял ее, и не из соображений экономии — уж что-что, а новую одежду он мог себе позволить, — а по причине удобства. Удобство было для Станислава на первом месте, и он безжалостно высмеивал Гурова, который порой в ущерб здоровью зимой носил бо-